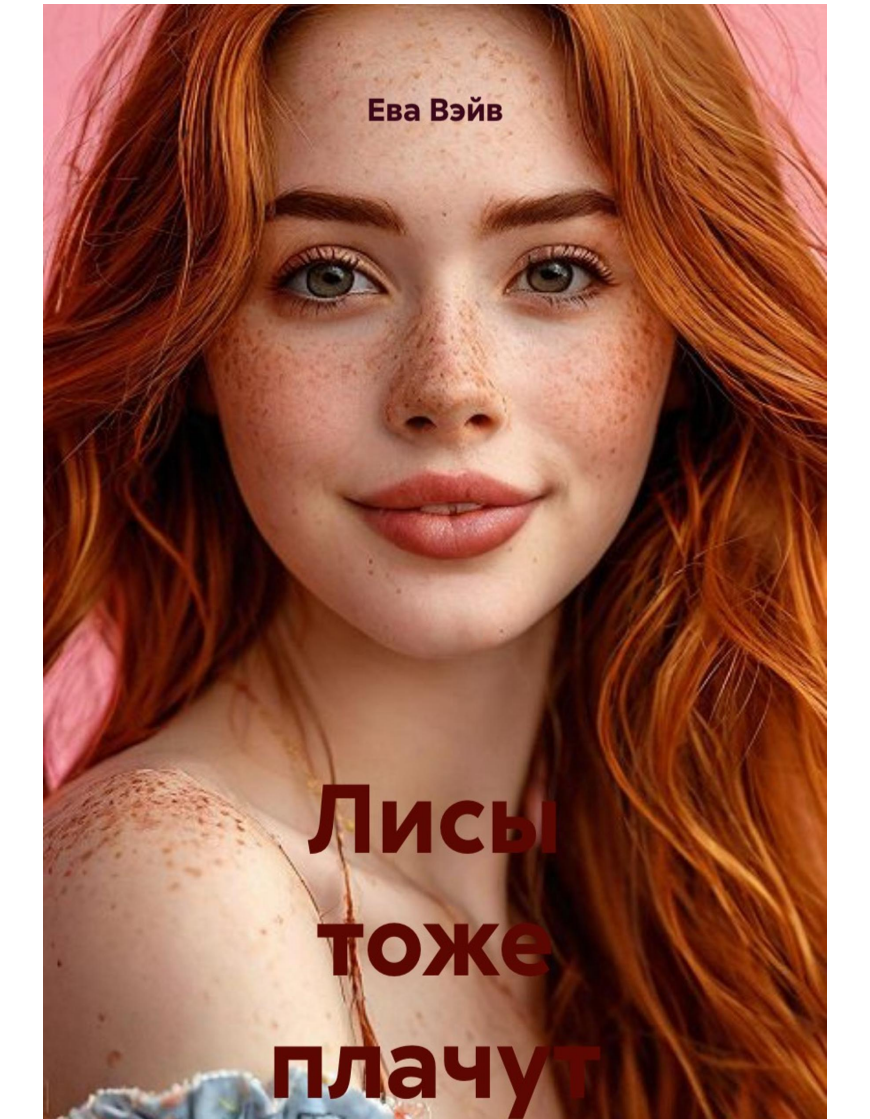

A close-up portrait of a young woman with long, wavy, reddish-brown hair. She has light green eyes and numerous freckles across her face and shoulders. She is looking directly at the camera with a slight smile. The background is a soft, out-of-focus pink. The text is overlaid on the image.

Ева Вэйв

**Лисы
тоже
плачут**

Ева Вэйв

Лисы тоже плачут

<https://litres.ru/74359777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для фанатов сериала «История его служанки»

Это произошло, когда я была на вокзале. Ко мне подошла незнакомка и предсказала, что в моей жизни в ближайшем будущем появится тот самый человек. Тот, что заберёт моё сердце, даже не спросив. И за это я буду его ненавидеть, а он — смеяться над этим. Но как можно ненавидеть того, кого любишь?

Однако, к моему большому сожалению, это предсказание не было предвестником счастливой жизни. По словам незнакомки, этот человек сделает мне очень больно. Сделает то, от чего на моём сердце навсегда останется шрам, то, что я буду вспоминать всю свою оставшуюся жизнь. Но я не верила в предсказания, я верила в любовь, что оказалось моей главной ошибкой.

Что сильнее: вера в любовь или в судьбу? Получится ли им спасти друг друга от травм прошлого? И что случится с главной героиней, едва не испытавшей счастье?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Последний вечер	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ева Вэйв

Лисы тоже плачут

Пролог

Скорость. Ветер. Адреналин. Я летела на скейте по узкой дорожке вдоль канала. Плотный воздух хлестал по лицу, а кофейно-карие глаза были прищурены — яркое солнце ослепляло меня. Густая копна рыжих выющихся волос развеивалась по ветру. Широкую улыбку — с ровными зубами и пухлыми губами — украшали веснушки. Они, хоть и были едва заметны, однако в какие-то периоды моей жизни, безумно меня раздражали.

Позади слышались детские возгласы, вопли прохожих, которых я случайно задевала, и, наконец, крики тети Эдды и дяди Гая. Они пытались нагнать меня на своей расписной гондоле — длинной узкой лодке, на которых плавают по каналам в Италии. Но я знала: у них ничего не выйдет. По кирпичной дорожке было добираться намного удобнее, чем по лазурной воде.

В этот день я впервые почувствовала себя взрослой. Впервые выехала без разрешения тети — на скейтборде, без шлема и прочей экипировки. В одиннадцать лет именно это казалось мне главным признаком взрослости. И неважно, что

это было небезопасно.

Впрочем, защита у меня все-таки была, да еще какая — в лице двух друзей. Впереди на метр ехал Пий — он был старше меня на четыре года. Где-то далеко позади тащился Ренато, мой ровесник. Сколько я ни учила его кататься на скейте, ничего не получалось: то он придумывал «гениальные» отговорки и уходил, то просто не слушал. Однажды он так заврался, что, включив все свое актерское мастерство, со слезами на глазах поведал мне, будто его бабушка умерла и ему нужно идти на похороны. Помню, как через пару дней увидела его бабушку на нашем местном рынке, да, испугавшись, чуть в обморок не упала. Со всех ног бросилась прочь, крича: «Мертвец за жертвой пришел!» Ох дядя Гай потом долго смеялся, да еще и всем своим дружкам эту историю рассказал. А вот тете Эдде было вовсе не до смеха: видите ли, я ее опозорила, и ей стыдно за меня. В наказание она запретила мне смотреть ужастики — а я их до мурашек любила. Другу же я устроила бойкот и не разговаривала с ним целую неделю.

И все же было так приятно наблюдать, как Ренато впервые пытается встать на скейт и разогнаться до той скорости, с которой я носилась по итальянским улочкам. Естественно, у него ничего не получалось. Он несколько раз упал, даже просто отталкиваясь ногой от земли, — не мог удержать равновесие. А я смотрела на это и хохотала во весь голос. Не то чтобы я была мстительной — скорее верила в метод жиз-

ненного бумеранга. И именно в тот день он решил сработать на мне.

Ровная дорога внезапно закончилась — и свет в моём сознании будто тоже погас. Перед глазами встала тёмная пелена, в ушах раздался сильный звон. «Неужели я умерла?..»

Конечно, нет. Я просто была ребенком с очень богатой фантазией.

Очнулась я в нашей гостиной, оформленной в самом что ни на есть современном стиле — современном для тех времён, для двухтысячных. Первое, что бросилось в глаза, — коллекционный Будда: скульптура просветлённого существа, зародившегося в древности на границе Индии. Тётя объездила полмира в поисках редких экземпляров — таких, каких нет даже в самой Индии.

Отведя взгляд от фигурки, я заметила дядю Гая. Его лицо было невероятно выразительным, с живой, подвижной мимикой — прямо «лицо с субтитрами». По нему я сразу прочла: он поражён моей выходкой и её последствиями. На мгновение я почувствовала себя ужасно глупой. Но ещё глупее стало, когда в комнату вошла тётя Эдда. Увидев, что я пришла в себя, она тут же принялась размахивать руками и читать долгие, нудные нотации. Дядя Гай несколько раз пытался её успокоить, оправдывая меня: мол, у меня и так судьба непростая. Но тётя лишь обрывала его не слишком вежливыми фразами.

К счастью, это длилось недолго: на кухне засвистел чай-

ник, и тётя Эдда убежала его выключать. А чуть позже позвала нас пить чай со свежеиспечённой шарлоткой — она успела её приготовить, пока я была без сознания.

Отведя взгляд от фотографии в золотой рамке с этим самым пирогом, я смотрю на наручные часы. В эту же секунду меня окликает дядя Гай, явно чем-то возмущенный:

– Эли, потом фотографии посмотришь, а сейчас мы опаздываем! Быстрее!

– Секунду, я уже иду! – отвечаю я, брызгаю на себя первыми попавшимися духами и бегу в прихожую.

Мы садимся в дядину «Toyota Camry» и мчимся к моему университету. Так закончился прекрасный период моего детства. Учеба подошла к концу, и теперь я — взрослый человек. Я. Взрослый. Человек. Еду на свой последний выпускной вечер.

Глава 1. Последний вечер

Я ВЫХОЖУ ИЗ дядиной машины. В воздухе мерцают светлячки, а свет ночных фонарей слепит глаза. Выпускной вечер назначен на ночь и раннее утро, поэтому на улице довольно темно (фонари почти не помогают). Мы договорились с моей подругой Неей, что она встретит меня, но у входа в университет никого нет. Я прощаюсь с дядей Гаем, обнимаю его и целую в щёку, а потом иду ко входу. Нея не отвечает ни на звонки, ни на сообщения. Около университета ни души — и это понятно: время уже не детское. Я захожу внутрь, прикладываю пропуск и направляюсь в свою родную аудиторию — в надежде найти хоть когонибудь. Но и там пусто.

— Да что за... Чёрт! — возмущаюсь я. — Где все? Я опоздала всего на десять минут!

Я вылетаю из кабинета, и вдруг динамичная мелодия доносится до меня, разливается по телу. От такой музыки по коже бегут мурашки, меня словно бьёт током, едва я слышу эти звуки. Звучит до боли знакомая песня – песня моей любимой группы. Она – единственная добавлена в «избранное» в моем плей-листе из трехсот песен, под нее я готовлю, убираюсь, гуляю. Под нее я живу. И теперь я стою под нее в огромном пустом холле университета, и, наверное, не хватает только перекаатиполя на плитке — как в пустыне.

Я пытаюсь понять, откуда идёт эта мелодия. Музыка звучит так громко, будто заполняет весь второй этаж. Я добегаю до лестницы, поднимаюсь вверх, перескакивая через две ступеньки, и бегу к актовому залу. Высокие тяжёлые двери распахиваются, и я вхожу в тёмную комнату. Единственное освещение — LEDленты, которые отвратительно мигают: глаза начинают болеть с первой же секунды. Первое, что бросается мне в глаза — охранник нашего университета за диджей стойкой на сцене. Посреди комнаты молодёжь отплясывает под какойто попсовый трек. По периметру расставлены длинные столы с угощениями: кексы с кремом на золотых тарелках, сок в стаканах (а может, уже и не сок), пирожные на стеклянных подставках и прочие вкусности. На танцполе я замечаю свою подругу Нею. Она флиртует с какимто парнем и совсем не видит меня.

— Нея, вот ты где! — окликаю я подругу. — Мы же договаривались встретиться у входа!

— Сейчас, минутку, — кокетливо отвечает она парню, а потом вытаращивает глаза на меня с недовольным видом. — Блин, Эля, такой шанс был, такой шанс...

— На что шанс?

— На то, чтобы замутить с ним. Он сын какойто шишки в управлении города. Ты бы видела, на какой тачке он приехал, — рассказывает подруга и делает вид, что подтирает слюни.

— Ясно, — произношу я хмуро.

— А не встретила я тебя, потому что препод наш по мате-

матике меня прогнал. Он узнал, что выпускной уже начался, и велел мне идти на него. Мерзкий тип, — поясняет Нея.

— Между прочим, я пропустила песню своей любимой группы, пока искала, где проходит выпускной.

— Извини, я не хотела.

— Да тыто тут при чём.

Пока мы стоим, поникшие, рядом с танцполом, к нам подходит Ренато. На нём классическая белая рубашка и бежевые брюки. Его рыжие кудряшки торчат изпод кепки, надетой козырьком назад. Если бы я не была с ним знакома, то подумала бы, что он какойнибудь рэпер. Интерьер и его образ буквально кричат о том, что он явно подражает стилю музыкантов.

— Салют, девчонки! Что у вас такие кислые лица, угощения не понравились? Или треки отстой?

— Мы просто уже по нашим парам скучаем. А что же будет с нами через годы?.. — смеётся подруга и переглядывается со мной.

— Слушай, а песни той группы ещё будут?.. — не успеваю я договорить, как Ренато тут же отвечает:

— Будут, я обо всём позаботился. Увидел, что тебя нет, и попросил поставить. Я помню, что это твоя любимая группа.

— Спасибо! — кричу я и кидаюсь к нему в объятия. Люди оборачиваются на мои крики и, вероятно, думают, что мы пара, но мы всего лишь друзья.

Моё детство нельзя назвать счастливым. Оно понастоящему началось лет в девять. А до этого я только знакомилась с этим несправедливым и опасным миром.

Мои родители погибли в аварии, когда мне было три года. Я их совсем не помнила. С тех пор меня воспитывала бабушка — мама моей мамы. Это была в меру строгая, но очень добрая и мудрая пожилая женщина по имени Алда. Её муж, мой дедушка, умер в начале двухтысячных. Она жила в своём частном домике в уютном районе Неаполя. Как сейчас помню тот сад с гортензиями: извилистые тропинки, кусты по обе стороны. Бабушка очень любила растения и старательно за ними ухаживала. А я не любила копаться в земле. Куда больше меня привлекала готовка — любовь к ней привила мне именно Алда. Она работала кухаркой в богатой семье. Мистер Лукас и его милая супруга разрешили бабушке брать меня с собой, потому что оставить меня было не с кем. Поначалу я просто сидела на просторной кухне и смотрела, как бабушка готовит. Мы болтали на разные темы, а иногда она делилась со мной своими фирменными рецептами.

Годы шли — я выросла, а бабушка становилась всё больше старела. Силы понемногу покидали её, и она говорила: «В моей жизни ещё не наступила ночь, но я уже вижу густые сумерки». Тогда я не придавала этим словам особого значения — просто не понимала смысла этой метафоры. Но в последние два года ей становилось всё хуже с каждым днём. Именно тогда готовить для бизнесменов Беллуччи (фамилия

Лукаса и его супруги) стала я. Бабушка сидела в кресле на кухне и подсказывала, какие продукты брать и в какой последовательности их добавлять. Я слушала её наставления и готовила вкуснейшие блюда. Хозяева ничего не подозревали — по крайней мере, я так думала.

Но в один ужасный день бабушка уснула вечным сном. Слово «смерть» для меня девятилетней было чем-то похожим на мат. Даже не хочу вспоминать, как это было: сразу на глаза накатываются слёзы. Единственное, что у меня от неё осталось, — предсмертная записка, в которой она желает мне удачи и счастья, и книга рецептов, переданная ей от её мамы. Теперь у меня не осталось никого: других родственников не было. Я бы попала в детский дом, если бы не наши соседи — дядя Гай и тётя Эдда.

Узнав о моём положении, они сразу забрали меня к себе и оформили опеку. Гай и Эдда очень уважали мою бабушку и знали, что я пошла в неё. Часто у нас с ней можно было заметить одинаковое поведение: мы говорили одними и теми же фразами, и даже судьбы у нас были похожи — она тоже осталась без родителей и жила с бабушкой. Возможно, это свидетельствовало тому, что я с ней жила все свое *осознанное* детство. Тётя Эдда — женщина с доброй душой; жаль только, что жизнь не была к ней благосклонна.

Они с дядей Гаем уже купили квартиру в Венеции и сделали там ремонт. Одна из комнат в этой огромной светлой квартире предназначалась для их будущего ребёнка. Но

незадолго до смерти моей бабушки у тёти Эдды случился выкидыш. А поскольку возраст уже не позволял ей иметь детей, супруги Беллуччи решили приютить меня.

Так я и живу в Венеции с девяти лет. Ребенком я была очень активным. Любила приключения – то есть, попадать в разные передраги, а потом пытаться из них выбраться. Несмотря на то, что у меня было шило – сами знаете где, – я была отличницей. В школу ходила с удовольствием. Особенно мне нравились уроки географии и физкультуры. Даже вышла на красный аттестат!

С первых дней в новом городе я дружила исключительно с мальчишками. Я не любила играть в куклы: у меня была коллекция гоночных машинок. Вместо розового велосипеда я рассекала по узким улочкам на скейтборде. Девчонки смотрели на меня косо, а мальчики постоянно звали гулять. Одним из них был Ренато. В детстве мы каждый день играли вместе на детской площадке. В подростковом возрасте вместе следили за его девчонкой, а теперь вместе стоим на выпускном вечере. Всю жизнь в Венеции я просидела с ним за одной партой, а потом мы поступили в один университет. Сколько было глупых разговоров, неловких ситуаций, шуток и мемов, придуманных нами вдвоём! Он — мой самый лучший друг. И к этой мысли я пришла только сейчас, разговаривая с ним спустя столько лет.

Подругами жизнь меня обделила. Я много раз пыталась завести подружку, но через несколько дней общения сама на-

чинала стыдиться наших разговоров о парнях — особенно когда девчонки умилялись им и открыто рассказывали о своих чувствах. Возможно, я стыдилась этого, потому что в моей «семье» меня этому не учили. Но мне не было и нет до этого никакого дела.

Первая *нормальная* подруга появилась у меня в университете — и то лишь потому, что в нашей группе всего две девочки: я и Нея. Её тоже интересуют косметика и мальчики, но она не болтает о них часами напролёт, и это мне определённо нравится. Нея — девушка общительная: может поддержать разговор на любую тему. Внешне она похожа на фарфоровую куколку: пшеничные прямые волосы до талии, большие голубые глаза цвета моря — глядя в них, кажется, что вотвот утонешь; стройная фигура, чаще всего в облегающих вещах. Одевается она по принципу модных журналов: даже обычную старую футболку может стилизовать так, что она будет выглядеть как топ с открытыми плечами. На ней всегда много аксессуаров — мелких деталей, которые с первого взгляда не заметны, но отлично дополняют образ. При этом на её фоне я никогда не чувствовала себя слишком обычной — наоборот, рядом с такой подругой я ощущала себя даже лучше, чем без нее.

Даже не верится, что прошло всего три года: иногда мне кажется, что мы дружим всю жизнь. Она очень понравилась дяде Гаю и тёте Эдде. Несмотря на её богатый словарный запас, состоящий отчасти из нецензурной лексики, Нея уме-

ет вовремя стать собранной и грамотной — предварительно выбросив сигарету.

Конечно, помимо Ренато и Неи у меня есть и другие друзья, но о них вы узнаете позже.

Я попрежнему стою возле танцпола. Нея ушла соблазнять очередного парня, а Ренато пригласили попробовать себя в роли диджея. Чувство ностальгии сегодня окрашено грустью, и она отражается на моём лице. Мысль о том, что теперь мне каждый день придётся работать до самой пенсии, терзает мою ещё подетски свободную душу. Но, слава богу, я оптимистка и умею вовремя отгонять грусть, впуская в сердце радость. Поэтому, не теряя ни минуты, я бросаюсь в самый центр танцпола. Громкая музыка, мигающий свет, алкоголь в коробке изпод сока — всё это окружает меня в те прекрасные минуты.

Я не замечаю, как наступает раннее утро. Нея чуть ли не за ноги тянет меня с танцпола. Нет, я не пьяна — я просто очень люблю танцевать. До самой последней песни я исполняю свои шикарные импровизационные номера. Вроде, я даже с кем-то медляк танцевала, под одобрительные возгласы студентов.

Полностью прихожу в себя я только на улице, вдохнув свежий утренний воздух. Босоножки натёрли ноги, поэтому я снимаю их и иду босиком по мокрой от росы траве. Она щекочет мои пятки, а я люблюсь нежным розовым рассветом. Гдето вдалеке порхает стая птиц. Одна из них случайно от-

стаёт от стаи, которую уже почти не видно. Птичка пытается её догнать, но тщетно. В итоге она летит в совершенно другую сторону, исследуя огромный мир. Она свободна — а это главное. Теперь мне кажется, что я и есть та самая птичка, оторвавшаяся от стаи. У меня слишком другие интересы — совсем не такие, как у большинства девчонок. «Может, Нее со мной скучно? Мы ведь слишком разные», — думаю я, но мои размышления прерывает подруга:

— Эля, что ты тут босиком стоишь? Заболеешь ведь!

— Не беспокойся, всё хорошо.

— Ага, а потом уедешь с моей дачи с температурой, и я буду чувствовать себя виноватой в твоём плохом самочувствии, нет уж!

— С какой дачи? О чём ты? — с недоумением спрашиваю я. Вполне возможно, что я забыла о наших планах... Чёрт.

— А, точно, я тебе не рассказала, — вспоминает Нее. «Фух, хорошо, что я ни при чём!» — мысленно выдыхаю я.

— Моя мама пригласила тебя к нам на дачу после выпускного. Ты же поедешь, да?

— Ну... не знаю... — сомневаюсь я. — Хотя, давай. Что дома делать? — моё решение спонтанное, но, кажется, правильное.

— Супер! Значит, я пишу маме, что к обеду мы будем. Тогда отправляйся домой и собери вещи. Встречаемся на вокзале без пятнадцати десять, — сообщает Нее, переполненная радостью. После этого я заказываю такси и еду домой.

Подъехав к квартире, я аккуратно открываю дверь ключом, чтобы не разбудить тётю Эдду и дядю Гая. Прохожу в свою комнату, беру чёрную спортивную сумку и сваливаю туда целую стопку вещей из гардероба. Не знаю, что именно в этой стопке, но, судя по внушительным размерам сложенной одежды, на даче я буду выглядеть аккуратно. Туда же кидаю косметичку – любимую и незаменимую, – всегда актуальную классику, пакет с нижним бельём и зарядку для телефона. Перед уходом пишу записку, где объясняю, куда и на сколько уезжаю. Приклеиваю её на тумбочку в прихожей и выхожу из квартиры.

Я оплачиваю горячий шоколад в кофейне, одновременно заказывая такси. Черная машина подъезжает на соседнюю улицу, и я, схватив сумку подмышку, бегу к ней, пытаюсь не разлить на себя напиток.

До вокзала я добираюсь за два часа и приезжаю на десять минут раньше Неи. В одной руке у неё ручка от большого чемодана, в другой — два пакета.

— Ты зачем столько вещей взяла? Мы же всего на выходные едем. К тому же, на твоей даче наверняка есть какие-то вещи? — спрашиваю я, стоя с одной лишь сумкой.

— Все мои вещи — в двух пакетах. Я просто сумку не нашла, пришлось так собираться. А в чемодане — вещи, которые я давно хотела отвезти на дачу, но всё не было возможности. А сейчас, как по мне, самое время.

Ничего не ответив, я подхожу и забираю у неё два пакета,

чтобы ей было удобнее тащить чемодан.

— Спасибо! — улыбается Нея. После этого мы идём на кассу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.